

Линь:

— !

В этот миг он даже забыл, что, находясь в состоянии Ока Зазеркалья, мог говорить напрямую — разумом, без слов. Он не произнёс ни звука, просто поднял руку и показал Моисею средний палец.

Моисей:

— ?

Русал — бывший апостол и одновременно верховный священник богини снов — задумался о возможном эзотерическом значении данного жеста. Он перебрал в уме всё, что знал о ритуальных символах, но ни одно толкование не подходило к тому, что сейчас показывал Линь.

«Неужели это какой-то новый внутренний сигнал, который теперь используют в Инквизиции?»

Вот уж чего я не знаю — того не знаю».

Нет, ну не мог же Линь сделать это просто из-за страха перед стоявшим позади апостолом Близнецов Диссонанса? Раньше он его не боялся.

«Ладно. Сделаю вид, что не видел».

— О, мой бог, — Моисей опустил ресницы и впервые за долгое время принял по-настоящему благоговейную позу. Он поднял янтарь над головой, а сам низко поклонился. — Я взываю к тебе и прошу: открой врата, ведущие в оставшийся после Мелодии Раковины сон. Позволь нам двоим пройти сквозь них. Позволь убить того, кто осмелился покуситься на эту область.

Эти слова он произнёс шёпотом, почти молитвенно.

Стоявший спиной к нему Фельдграу сжал палец на спусковом крючке.

«...Мелодия Раковины мертва уже столько веков — неужели она всё ещё способна отвечать на молитвы? Или дело в самом Моисее Гуппи? Может, из-за его особой природы умершая богиня всё же способна снизойти с ответом?»

По идее, апостол, даже если выжил после гибели своего бога, должен был постепенно стареть и умереть, как обычный служитель.

Фельдграу, впрочем, особенно не интересовался, как именно Моисей умудрился выжить. Если уж Близнецы Диссонанса погибнут, это будет означать, что человечество стоит на краю вымирания. До того дня, вероятно, он сам падёт в битве за Шпинеவில்.

Но бездействовать верховный инквизитор не собирался — он настороженно слушал, ожидая услышать ответ Мелодии Раковины.

И тогда в сознании Моисея раздался голос Линя:

— «Я понял».

Голос — лишённый каких-либо конкретных черт; по которому было понятно лишь то, что он принадлежит молодому мужчине — произнёс:

— Зови меня... «Око Зазеркалья».

Фельдграу, не слышавший этих слов, всё ещё стоял, глядя на разрушенный зал запечатывания; на крупные куски льда, оставшиеся после замершего прилива.

Он нахмурился — ни малейшей магической вибрации. Но тут верховный инквизитор понял: отражение в осколках льда изменилось.

Фельдграу резко расширил глаза.

Нет, не отражение изменилось — изменилась сама поверхность.

Грубая ледяная глыба, созданная им ранее, начала плавиться, излучая кроваво-алый свет.

Этот свет лился сверху. Фельдграу поднял голову — и увидел над собой величественный, бесконечный свод.

Он уже видел его однажды. Но теперь свод изменилось. Прежде его покрывал плотный серо-чёрный туман — барьер, сдерживающий Деву Серебряной Луны, не позволяющий ей обрушить сюда полную силу.

Теперь же туман исчез. Свод был окрашен в красное.

Тяжёлый, густой, как засохшая кровь, ржаво-алый цвет заливал всё пространство сверху — пятнами, мазками; будто неумелый художник, решивший вылить ведро краски прямо на полотно, но не сумевший размазать её равномерно. Толстые, неаккуратные мазки перекрещивались беспорядочными линиями, образуя нечто, что даже у человека с крепкой

психикой вызывало головокружение и тошноту.

Фельдграу не вырвало, но даже ему не удалось избежать ощущения слабости и тяжести.

Он уже хотел заставить себя удержать взгляд и продолжить наблюдение, когда услышал, как Моисей резко вскрикнул:

— Что за... Где море?!

Фельдграу опустил взгляд — и понял, что они больше не стояли на берегу, а находились на морском дне.

Вернее, на том, что напоминало морское дно: вокруг виднелись кораллы, увядшие анемоны, раскиданные раковины. Но вода отсутствовала. Вся морская гладь, которая должна была укрывать и питать этих существ, ушла, оставив лишь мокрый песок, запах соли и редкие лужицы в низинах.

— «...А», — пробормотал Линь, нахмутив брови.

Он находился в левом глазу Моисея, и потому его обзор двигался вместе с тем, как русал судорожно метался, ища воду. Затем Линь заметил вдали странное свечение.

— «Вон там», — сказал он.

Моисей резко обернулся — и увидел небесное тело под этим безумным куполом.

Полная луна. Огромная, серебристо-белая, чистая — и именно из-за этого ещё более зловещая. На фоне кровавого неба она висела за островом, покрытым чёрными скалами, и взирала на них с ядовитой благодатью.

А вокруг неё вода — поднявшаяся из бездны, мутно-красная, словно кровь, — кружила, как стая птиц, обвивая Луну, будто воздушный, живой покров.

— ...Нет, — хрипло прошептал Моисей.

А затем выкрикнул:

— Нет!

И рванул к острову.

Фельдграу, всё это время державший наготове снайперскую винтовку, увидел то же — луну за грядой скал — и, повинувшись инстинкту инквизитора, нажал на спуск.

На этот раз он использовал не магическую пулю, а настоящий боевой снаряд, сделанный собственноручно.

Изготовление пули — это базовое умение, которым владел каждый оружейный мастер ещё с низших ступеней обучения. В этой пуле Фельдграу использовал собственную благословлённую кровь, вплёл в её оболочку строки из писания Матери Первозданной Крови, а сам снаряд выточил из освящённого рубина, дополнив его разрушающей силой Близнецов Диссонанса — всё ради того, чтобы нанести Деве Серебряной Луны максимальный урон.

Даже если бы сейчас перед ним предстала полноценная, не проекция, сама Дева Серебряной Луны — мощнее данной атаки в арсенале Фельдграу не имелось. По стволу его громоздкой снайперской винтовки вспыхнули письма — строки учения Близнецов Диссонанса, складывающиеся в сияющие круги, что сходились к дулу. Символы изменялись и искажались, теряя очертания; лишь Фельдграу мог различить их смысл.

— Разрушая врага, охраняй самого себя.

А для людей нет врага более несомненного, чем тёмный бог.

Бах!

Волны, что оберегали Луну, словно почётный караул, не смогли противостоять этому выстрелу.

Прошло несколько секунд, прежде чем Линь смог различить на сетчатке след огненного луча. Красный луч рассёк водные завесы, парящие вокруг небесного тела, и — непостижимым для любой физики образом — поразил луну, которая, казалось, находилась бесконечно далеко.

В нижней части серебристого диска проступило чистое, яркое пятно — не ржаво-красное, как небо, а живое, алое. И под этим алым ожогом луна потускнела, словно раненое тело, утратившее свой мраморный блеск.

Она была ранена — но гораздо слабее, чем ожидалось.

«Неужели Дева Серебряной Луны уже полностью подчинила себе этот сон?» — Фельдграу понял, что сил, вложенных им в выстрел, оказалось недостаточно.

Его лицо не изменилось; он быстро, отточенным движением зарядил новую пулю — и выстрелил вновь.

Готовясь к спуску в этот сон, он заранее набил карманы и внутренние петли пальто рядами таких боеприпасов — все предназначенные лишь для неё.

Но, разумеется, Дева Серебряной Луны не собиралась смиренно висеть на небосводе и принимать выстрелы.

Линь с изумлением наблюдал, как сияющее небесное тело распахнуло пасть.

Её проекция поначалу выглядела как самая обычная луна — точь-в-точь та, что Линь видел до пятнадцати лет. Может быть, именно его собственное восприятие, сложившееся тогда, теперь определяло, какой он её видел?

Но когда на бледном диске разверзлась огромная искривлённая пасть, нарисованная будто детской рукой, полная острых зубьев, — все прошлые ассоциации с луной рухнули.

«Она что, собирается... наклониться и просто нас проглотить?» — пронеслось в голове Линя, и холод пробежал по его спине.

Однако Дева Серебряной Луны не стала опускаться.

Она лишь улыбнулась — и начала всасывать море, поднимавшееся к ней.

На миг Линь онемел, но вскоре осознал, что это действие имеет какой-то ритуальный, мистический смысл, ему пока неведомый.

И действительно — вместе с движением Девы лунное сияние, потускневшее после трёх выстрелов, снова вспыхнуло. Через зрение Моисея, выбежавшего уже на берег, Линь ощутил, как весь остров и обнажённое морское дно начинают дрожать.

Скалы, осыпавшийся грунт, песок — всё вокруг трепетало и осыпалось, словно кто-то сдирал старую корку.

Под этой оболочкой Линь увидел основание острова.

Раковина.

Огромная раковина длиной в несколько километров, в точности такая же, как та, что покоилась в янтаре вне этого сна. Молочно-жёлтая, с сетью прожилок, острыми, как корона, шипами и розовой внутренней полостью, раскрытой, словно крылья. На её краях зияли глубокие сколы.

Она лежала, как гора, на поверхности земли.

Фельдграу, стоявший по-прежнему на морском дне, видел гораздо больше. Его талант «орлиный взгляд» позволял не только видеть сквозь преграды, но и наблюдать с высоты, будто сверху.

Он понял: этот сон, каким бы бескрайним он ни казался, имел границы — причудливые, несимметричные.

Отчего определялась эта форма?

Вот и ответ.

Перед ним предстало гигантское тело, раскинувшееся под всем этим миром — колоссальный скелет, превосходящий размерами Шпиневиля. Оно давно умерло, плоть истлела, а из гнили образовалось море. Кораллы и анемоны расползлись по его костям, раковины блуждали между рёбер и берцовых костей, а солёная вода, наполнявшая сон, текла прямо из пустых глазниц черепа.

В груди этого мёртвого тела, под рёбрами, где когда-то билось сердце, лежала та самая гигантская Раковина.

Дева Серебряной Луны взглянула вниз — на плачущие кости Мелодии Раковины.

И, ликуя, отпила второй глоток.

Земля задрожала сильнее. Нет — дрожал не остров и не песок, дрожал сам скелет Мелодии Раковины, что поддерживал этот сон.

Кости, пролежавшие здесь веками, пытались пошевелиться, но были слишком стары. От малейшего движения они трескались, из трещин вырывались чёрные струи, как пар из перегретого котла.

И тогда древний труп, будто ожив, распахнул полуистлевший рот и взревел от боли.

Ударная волна звука потрясла всё пространство сна; чёрный пар начал вырываться из пасти, но от этого кости ломались ещё быстрее.

Если это продолжится — останки Мелодии Раковины рассыплются в прах, а заключённая в этом сне сила богини снов перейдёт к Деве Серебряной Луны.

И потому, сколько бы раз ни стрелял Фельдграу, всё уже было напрасно: с того самого мгновения, как Дева вошла в этот сон и начала захватывать контроль, он уже не мог убить её одним выстрелом.

И пока её не уничтожат мгновенно, она могла бесконечно вытягивать силу, оставшуюся от Мелодии Раковины, становясь с каждой секундой сильнее — всё менее уязвимой для пуль верховного инквизитора.

Апостол — это тот, кто ближе всех к богу; но также тот, кто всё же остаётся человеком.

А между человеком и богом — пропасть шире, чем между человеком и муравьём.

Да, целая армия плотоядных муравьёв может растерзать безоружного, одинокого человека, но только бог способен убить бога.

Пускай это — лишь проекция Девы Серебряной Луны, не целостное её воплощение, но внутри сна она уже стала наполовину владычицей данного мира.

Теперь всё происходило по её воле.

До тех пор, пока не раздался мягкий, сладкий напев.

Сине-голубоволосый русал Моисей Гуппи, апостол богини снов, рухнул на песок. Он закрыл глаза и едва заметно разомкнул губы.

Без слов, без речей — зазвучали лишь переливы мелодии, тихие и тягучие, будто дыхание спящего моря. Не было ни гнева, ни скорби — только умиротворённый, ласковый напев, и в такт ему дрожание костей Мелодии Раковины стало замирать, постепенно угасая.

Прямо как девятьсот лет назад.

«Песнь затихающего прилива» вновь пел колыбельную своей умершей повелительнице.

<http://bllate.org/book/12612/1119991>